

МАОУ «СОШ №33»

Листопадова Н.В.

Марина Цветаева.

Страницы жизни и творчества.

Великий Новгород.

2012г.

Марина Цветаева
родилась 8 октября

1892 года в Москве, в день, когда православная церковь празднует память апостола Иоанна Богослова.

« *Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.*

Спорили сотни

Колоколов.

День был субботний:

Иоанн Богослов.

Её отец, Цветаев [Иван Владимирович](#), — профессор [Московского университета](#) на кафедре теории искусств и всемирной истории, известный [филолог](#) и искусствовед; стал в дальнейшем директором [Румянцевского музея](#) и основателем [Музея изящных искусств](#).

Мать, Мария Мейн (по происхождению — из обрусевшей польско-немецкой семьи), была пианисткой, ученицей [Антоня Рубинштейна](#).

Будучи натурой исключительно утончённой, она стала первой, кто заметил и оценил Божью искру в литературном таланте своей дочери. Именно мать предрекла Марине судьбу поэтессы, слова матери оказались пророческими.

Из-за болезни матери (чахотки) Цветаева подолгу жила в Италии, Швейцарии, Германии, перерывы в гимназическом образовании восполнялись учёбой в пансионах Лозанны.

Свободно владела французским и немецким языками. Слушала курс французской литературы в Сорбонне.

Писать стихи Цветаева начала ещё в шестилетнем возрасте. Её детское творчество звучало четверостишиями на русском, немецком, французском языках.

В [1910 году](#) Марина опубликовала тайком от семьи на свои собственные деньги первый сборник стихов.

*Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду волк
И помнить: я – овца.*

*Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.*

*В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, - молчу.*

*Ах, если бы и мне,
Взглянув на звёзды, знать, что там
И мне звезда зажглась,
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!*

Её творчество привлекло к себе внимание знаменитых поэтов — [Валерия Брюсова](#), [Максимилиана Волошина](#) и [Николая Гумилёва](#).

Максимилиан Волошин был очарован и покорён глубиной таланта Марины, неожиданно нанёс визит семейству Цветаевых.

После этой встречи Волошин и Цветаева, несмотря на значительную разницу в возрасте, стали самыми близкими друзьями.

Впоследствии поэтесса была самой долгожданной гостьей в доме Волошина в Коктебеле. Она частенько навещала его здесь. И именно под крымским небом состоялось знакомство Марины с её будущим мужем, Сергеем Эфроном.

Сергей Эфрон приехал в Крым, чтобы подлечиться после перенесённой чахотки и прийти в себя после семейной трагедии – его мать покончила с собой.

Они встретились – семнадцатилетний и восемнадцатилетняя – на пустынном, усеянном галькой берегу. Она собирала камешки, он стал помогать ей.

Красивый юноша, почти мальчик с поразительными в пол-лица глазами. Заглянув в них, Марина загадала: если он найдёт и подарит мне сердолик, я выйду за него замуж. Конечно, сердолик он нашёл тотчас и на ощупь, ибо не отрывал своих серых глаз от её зелёных, вложил его в её ладонь, крупный камень, который Марина хранила всю жизнь, который чудом уцелел и по сей день – так спустя годы Ариадна Эфрон описала их первую встречу.

Это была любовь с первого взгляда. Оба нуждались в любви, оба рано потеряли мать. Оба не любили развлечений молодости. У

Марины была потребность опекать и заботиться, у Сергея – потребность в заботе и опеке.

Они с Мариной твёрдо решили пожениться, о чём сообщают своим родным и знакомым. Никто этого не одобряет. Отец Марины возмущён, что его дочь принимает такое важное решение, не посоветовавшись с ним. Сергей ещё не окончил гимназии, никогда не заработавший ни рубля, собирается жениться. На вопрос: «На что же вы будете жить?»- Сергей уверенно ответил: «Будем зарабатывать.

Марина – стихами, я – прозой»

Поженились они уже в январе 1912года, в том же году у четы родилась дочь Ариадна, Аля, как звали её домашние.

Имя выбрала Марина наперекор домашним. «Ариадна! Ведь это очень ответственно», - говорили близкие.

«Именно поэтому!», - отвечала Цветаева. »

Ты будешь невинной, тонкой,

Прелестной – и всем чужой.

Пленительной амазонкой.

Стремительной госпожой.

Первые годы супружеской жизни были полны романтики и чувств, они самые счастливые в их совместной жизни. Цветаева восхищается мужем, воспевает его красоту.

В 1913 году вернулся из эмиграции старший брат Сергея — Петр Яковлевич Эфрон. Потерявший маленькую дочь, переживший развод с женой, которая его оставила, больной туберкулезом.

Цветаева впервые встретила с ним летом 1913 года. Братья были очень похожи. Встреча произвела на Цветаеву неизгладимое впечатление:

*Ваш рот, надменен и влекущ,
Был сжат — и было все понятно.*

Единый образ как бы раздваивается. Могла ли Цветаева, любя Сергея, пройти мимо того, кто был на него так похож и внешне, и романтической своей сутью, и — во многом — общностью судьбы, а главное, так же нуждался в понимании и опеке?

Петр — в больнице, его положение безнадежно. Ему нужна любовь. Но не любовь физическая, а любовь-нежность, любовь-

забота, которая скрасила бы его последние дни на этой земле.

В душе Цветаевой возникает сильное чувство к умирающему Петру.

Можно ли его назвать любовью?

В одном из писем к Петру Эфрону она призналась: «Вы первый, кого я поцеловала после Сережи. Вас я поцеловала, потому что не могла иначе. Все говорило: «Да!»».

Пусть это был поцелуй в «трогательную минуту дружбы», но внутреннее «нет!» было преодолено.

Марина проводит в больнице все дни, но свое чувство к Петру вовсе не считает изменой мужу. Неизвестно, как развивались бы события дальше, но 28 июля Петр Эфрон умер. Вот что пишет Цветаева.

Осыпались листья над вашей могилой,

И пахнет зимой.

Послушайте, мёртвый, послушайте, милый:

Вы всё-таки мой.

Я вас целовала! Я вам колдовала!

Смеюсь над загробною тьмой!

*Я смерти не верю! Я жду вас с вокзала –
Домой!*

Я вижу, я чувствую, - чую вас всюду,

- Что ленты от ваших венков! –

Я вас не забыла и вас не забуду

Во веки веков.

В октябре 1914 года Цветаеву захватывает новое чувство. На этот раз не нежно-дружеское, а безудержное, страстное, нежданное и нежеланное.

К женщине.

Поэтессе Софье Парнок. Известной не только стихами, но и своими лесбийскими наклонностями, имевшей к моменту знакомства с Цветаевой большой опыт однополой любви.

Судя по стихам, любовь и страсть Цветаевой к Парнок возникла с первого взгляда:

*Я помню, с каким вошли Вы
Лицом — без малейшей краски,
Как встали, кусая пальчик,
Чуть голову наклоня.
И лоб Ваш властолюбивый,
Под тяжестью рыжей каски,
Не женщина и не мальчик, —
Но что-то сильнее меня!*

Некоторые стихи этого цикла до жути интимны:

*Как голову мою сжимали вы,
Лаская каждый завиток,
Как Вашей брошечки эмалевой
Мне губы холодил цветок.
Как я по Вашим узким пальчикам
Водила сонною щекой,
Как Вы меня дразнили мальчиком,
Как я Вам нравилась такой...*

Во времена Серебряного века, в богемных кругах, однополые связи были явлением привычным, неосуждаемым. Никто не скрывал и не стеснялся своей необычной сексуальной ориентации. Вызова общественному мнению в любви Марины к Софье Парнок не было.

Под лаской плюшевого пледа

Вчерашний вызываю сон.

Что это было? Чья победа?

Кто побеждён?

Всё передумываю снова.

Всем перемучиваюсь вновь

В том, для чего не знаю слова,

Была ль любовь?

Кто был охотник?

Кто добыча?

Всё дьявольски - наоборот!

Что понял, длительно мурлыча

Сибирский кот?

*В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чьё сердце – ваше ли, моё ли
Летело вскачь?*

*И всё-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?*

А что же Сергей Эфрон? Мучился, страдал? Разумеется. Но он еще в восемнадцать лет понял, что жене-поэту «необходим подъем», жизнь в постоянном волнении. Он и не думает упрекать Марину (не будет этого делать никогда).

*Ты меня никогда не прогонишь:
Не отталкивают весну!
Ты меня и перстом не тронешь:
Слишком нежно пою ко сну!*

*Ты меня никогда не оставишь:
Моё имя – вода для уст!
Ты меня никогда не оставишь:
Дверь открыта, и дом твой пуст!*

В марте 1915 года Сергей поступает на службу санитаром в санитарный поезд.

Очевидец так описал проводы: «Сережа был желт, утомлен, очень грустен и наводил на невеселые мысли. Так выглядят люди, которых что-то гнетет помимо всякого нездоровья. Провожали Марина с дочерью.

Цветаева, вероятно, осознает, как — незаслуженно — измучила она мужа. Возможно, что между супругами состоялось какое-то объяснение, результатом которого и стало обращенное к нему стихотворение — один из самых пронзительно-щемящих цветаевских стихов:

*Я пришла к тебе черной полночью,
За последней помощью.
Я — бродяга, родства не помнящий,*

Корабль тонущий.

В слободах моих — междуцарствие,

Чернецы коварствуют.

Всяк рядится в одежды царские,

Псаря — царствуют.

Кто земель моих не оспаривал?

Сторожей не спаивал?

Кто в ночи не варил — варева,

Не жег — зарева?

Самозванцами, псами хищными,

Я дотла расхищена.

У палат твоих, царь истинный,

Стою — нищая.

Верноподданной этого царя она останется на всю жизнь.

В 1917 году Цветаева родила дочь Ирину, которая стала разочарованием для матери, потому что Марина очень хотела сына.

Если Аля была желанным ребёнком, то Ирина — случайным. Ирину Цветаева так и

не полюбила. Конечно, ребёнок в голодные годы разрухи, в разлуке с мужем был явно не ко времени.

Тема эта это не простая, и в литературоведении как следует не изучена, не озвучена внятно и отчетливо, не прокомментирована, не поставлена в контекст всей жизни Марины Цветаевой. Как-то выпадающая из контекста ее жизни. Темное какое-то дело. А потому у многих цветаевоведов на нее — дружное табу. То есть тема-то есть, но углубляться в неё не стоит.

Нужно сказать, что отношение Цветаевой к детям и вообще к детству было совершенно особым. Она не любила так называемых обыкновенных детей, но любила тех, в ком видела божественную детскость души.

Цветаева полагала, что человек уже рождается готовым — с готовой душой, серьезным и ответственным уже с пеленок — такой, какой была она сама. И она требовала с детей, как с самой себя. Не учитывая того, что дети могут быть разные и развиваться по-разному.

Девочка ещё в роддоме, ей всего несколько дней, а Цветаева уже уверена, что она по своим душевным качествам будет уступать Але.

По ее представлениям, Ирина была «бездушной», лишенной природного дара Души, из породы «неограниченного количества тел». Не способной попасть в такт с матерью — «голой душой».

Уже в августе 1917 года очевидец пишет, что маленькая Ирина в ужасном состоянии худобы от голода: на плач её внимания никто не обращает.

А ведь летом 1917 в Москве ещё не было тотального голода. Купить молоко для ребёнка было ещё возможно, просто надо было стоять в очередях или через спекулянтов. Но если тратить время на добывание молока, когда же писать стихи?

«Всю ночь болтали, Марина читала стихи. Когда немного рассвело, я увидела кресло, всё замотанное тряпками, а из тряпок болталась туда-сюда голова. Это была младшая дочь Ирина» - пишет очевидец.

В ноябре 1919 года. Цветаева отдает своих дочерей – семилетнюю любимую Алю и двухлетнюю нелюбимую Ирину – в Кунцевский детский приют. По ее мнению, про-

кормить их сама она не сможет так, как их прокормят в приюте.

Многие её современники считали, что это ложь, она могла их кормить даже не работая [за счет продажи вещей на рынке] куда лучше, чем их кормили в приюте - это признала она сама.

Поступать даже на легкую службу в учреждение за паек – у нее была такая возможность - она для их прокорма категорически не хотела, поскольку такую работу ненавидела..

Она не потрудилась ни проверить, каковы условия в Кунцевском приюте, до помещения туда дочерей, ни даже поехать лично помещать туда девочек – передала их туда через третьих лиц.

При этом она скрывала, что она их мать – притворилась, что она их крестная мать, а дети – сироты. Дочерям она наказала не говорить, чьи они дети, а на вопросы об этом

попросту не отвечать. Те исполнили.

В течение декады она и не думала заехать посмотреть, как там ее дети. При случайной встрече через десять дней с зав. приютом случайно же узнала, что Аля очень плачет и тоскует, и решила еще через два дня заехать.

Письма Али к матери из приюта, вторая половина ноября.

Цветаеву она называет приемной матерью (по той самой договоренности). Они не были отправлены, Цветаева получила их, когда, наконец, приехала в приют.

«Милая Марина! Здесь хорошо, дети не озорные. На Ирину жалуются. Другой ребенок гораздо умней Ирины. Он говорит, просится, сам чудно ест. Ирина всё время орет. Немного шумна.

Есть дают нам суп с говядиной, потом че-чевица, через час маленькая чашечка молока;

Мамочка! Я погибаю в тоске. Ирина сегодня ночью наделала за большое. Я с ней спала.

Ирина ворочалась, толкалась. А я ей отвечала безумными гримасами.

Я страдаю! Мамочка! Ирина отравляет мне жизнь. Я несчастна.

У Вас я ела лучше и наедалась больше, чем у этих. О, мама! Если бы Вы знали мою тоску. Я не могу здесь жить. Я не спала ни одной ночи еще. Нет покою от тоски и от Ирины. Тоска ночью и Ирина ночью. Тоска днем и Ирина днем.

Я не могу пережить месяца здесь из-за Ирины.

Я у Вас была совсем сыта, а здесь — ни капли!

Цветаева все это время не приезжала и никаких известий Але не передавала, зато написала стихи о своей разлуке с дочерью.

*Маленький домашний дух,
Мой домашний гений!*

*Вот она, разлука двух
Сродных вдохновений!*

*Жалко мне, когда в печи
Жар, - а ты не видишь!
В дверь - звезда в моей ночи!
Не взойдешь, не выйдешь!*

*Платица твои висят,
Точно плод запретный.
На окне чердачном - сад
Расцветает - тщетно.*

*Голуби в окно стучат, -
Скучно с голубями!
Мне ветра привет кричат, -
Бог с ними, с ветрами!*

*Не сказать ветрам седым,
Стаям голубиным -
Чудодейственным твоим
Голосом: ~ Марина!*

В первых числах февраля 1920 года Ирина умерла в приюте. От голода.

*Две руки, легко опущенные
На младенческую голову!
Были – по одной на каждую –
Две головки мне дарованы.*

*Но обеими – зажатыми –
Яростными – как могла!*

*Старшую у тьмы выхватывая –
Младшей не уберегла.*

*Две руки – ласкать-разглаживать
Нежные головки пышные.*

*Две руки – и вот одна из них
За ночь оказалась лишняя.*

*Светлая – на шейке тоненькой –
Одуванчик на стебле!*

*Мной ещё совсем не понято,
Что дитя моё в земле.*

Действительно, в случае Цветаевой на-
лицо кощунственная, редкостная материн-
ская, человеческая слепота и глухота.

Так что же — гению позволено все?

*Я счастлива жить образцово и просто —
Как солнце, как маятник, как календарь.*

*Быть светской пустынноницей стройного
роста,*

Премудрой — как всякая божия тварь.

*Знать: дух — мой сподвижник и дух — мой
вожатый!*

Входить без доклада, как луч и как взгляд.

*Жить так, как пишу: образцово и сжато —
Как бог повелел и друзья не велят.*

Бедная заблудшая душа!

Цветаева боится, что муж не простит ей смерти дочери, в письме к сестре она просит последнюю сообщить мужу, что Ирина умерла от воспаления лёгких.

В трагической жизни Цветаевой это время — из самых страшных: «С людьми мне сейчас тяжело, никто меня не любит, не жалеет,

чувствую всё, что обо мне думают. Это тяжело».

В мае 1922 года Цветаевой с дочерью Ариадной разрешили уехать за границу — к мужу, который, пережив разгром Деникина, будучи белым офицером, становится студентом Пражского университета.

Сначала Цветаева с дочерью недолго жила в Берлине, затем три года в предместьях Праги. В Чехии написаны знаменитые «Поэма Горы» и «Поэма Конца», посвященные Константину Родзевичу, который станет ее второй и последней страстью.

В 1925 году Марина Цветаева родила сына.

Этот мальчик был долгожданным, желанным, самым придуманным из всех мечтаний Марины Цветаевой. Это было несказанное, свершившееся Чудо. Сергей Яковлевич удивленно записывал в дневнике вскоре после его появления на свет:

«Моего ничего нет.. Удивительный мальчик! Вылитый Марин Цветаев.»

Некоторым досужим выдумщикам это дало право потом выдавать за реальность, что Георгий был рожден от человека, которого Марина называла первой земной любовью» — Константина Родзевича.

Она хотела сына с какой-то поистине мужской, не женской страстью, она хотела продолжить свой, цветаевский род, себя самое в сыне, ее сыне — слепке с нее самой! Она отчаивалась, когда ей казалось, что это будет не сын.

И конечно, он и рос совсем необычно, с раннего детства слыша вокруг себя то стихи, то разговоры о литературе, о чем — то внутреннем и глубоком, быть может, об этом в других семьях и вовсе не говорилось!

«Удивительно взрослая речь, чудно владеет словом. Любит говорить не как дети. И совсем иначе, чем Аля. Хочет всегда стать на что-то повыше, чтобы слушали...»

Когда Георгию было восемь лет, она писала: «Очень зрел. Очень критичен. Марина, — сказал мне Бальмонт, — это растёт твой будущий прокурор.

Годы раннего детства Мура (В Чехии, а потом — во Франции — были для семьи Цветаевых — Эфрон очень сложными.

Часто вся семья просто находилась на грани «выживания». Сергей Яковлевич болел, (обострялся его хронический туберкулез и заболевание сердца), пособие эмигрантов было небольшим, Марине самой приходилось решать все острые, насущные проблемы: вопросы снятия квартиры, приобретения мебели, вещей, продуктов и даже — рубки дров для большой кухонной плиты. На какую — либо помощницу по хозяйству, не говоря уж о постоянной прислуге, просто не было денег.

Руки Марины в тонких серебрянных браслетах — память о Матери — непрерывно крошили, мешали, мыли, чистили, скребли, стирали одежду для Алечки и Мура, раскалывали тяжелое вязовое полено на тонкие щепки-лучины, грели на плите тяжелое корыто с водой — поднимала сама! — а потом в этом корыте они по вечерам, вдвоем с хрупкой, голубоглазой Алей купали веселого, толстощекого малыша, шаловливо об-

рызгивающего их с ног до головы теплой мыльной водой..

Очень сложно говорить о Муре, любимом сыне как просто о мальчике, каких много... Он родился в необычной семье, и у него была столь необычная, своеобразная судьба, что какой то банальный рассказ, с фразами «учился:, окончил,: увлекался:» совершенно не в состоянии выразить всей завораживающей многогранности его характера — сложного, противоречивого, потрясающе сильного, блистательного, и в то же время — ранимого и где — то и в чем то — беззащитного.

Он умел читать и писать с шести лет, и к десяти годам прочитал многое из того, что его сверстники познают лишь к шестнадцати, увы! Французским владел как родным, он думал на нем, но не забывал и русского, а по вечерам занимался с матерью немного и немецким. Вероятно, как и Аля, вел детский

дневник, но он не сохранился из-за бесконечных переездов и эвакуации.

В 1935 году Марина и Сергей Яковлевич решили отдать его в хорошую частную школу. Многие знакомые их осуждали. Это было очень накладно для семьи, но в желании дать сыну лучшее была вся Марина — порывистая, страстная, любящая сына с безмерной нежностью.

Высокий, не по летам развитый, очень привлекательный, с тонким профилем, привыкший к разговорам взрослых, к серьезным размышлениям, он всюду сопровождал мать..

Многие современники позже вспоминали, что Георгий — Мурлыка был дурно воспитан, позволял по отношению к матери и другим знакомым резкие выпады, суждения, отрицание.

Многим казалось, что он не уважает мать. И они дружно осуждали Марину за плохое воспитание, чрезмерное баловство сына. Хотя были и другие воспоминания современников:

«Мне нравилось, что Мур был учтив: всегда, когда я приходила, он никогда не селся, прежде чем не сяду я. Если при разговоре с ним я вставала и подходила к нему, он неизменно вставал.

Марина многое прощала сыну, смотрела сквозь пальцы на его промахи, говоря спокойно: «Это пройдет. Он еще молод. У меня это все давно перегорело, прошло. И только отворачивалась — смахнуть слезы. Она была мудрее всех остальных, пожалуй.. Или ей было почему прощать.

Мальчик, ранимый, как все подростки, многое знал, видел, и не мог простить увлечений матери, поэтому бывал с ней черств, холоден, недобр и не оказывал сыновней поддержки, когда она, одинокая, никому не нужная, травмированная недавними репрессиями, войной и всеобщим безразличием, в этом очень нуждалась!»...

Он приехал вместе с матерью в Россию. Вслед за отцом и сестрой. По своей ли воле он ехал на незнакомую родину?

Сложно сказать. Отец и Аля присылали периодически из России восторженные письма, звали к себе. Во Франции атмосфера сгущалась. Марину, как жену тайного советского чекистского агента, принимали не везде, почти не печатали. Никто не может вообразить бедности, в которой мы живём. Мой единственный доход — от того, что я пишу. Мой муж болен и не может работать. Моя дочь зарабатывает гроши, вышивая шляпки. У меня есть сын, ему восемь лет.

Мы вчетвером живём на эти деньги. Другими словами, мы медленно умираем от голода.

Во Франции ее стихи, опередившие время и классические законы поэзии, были понятны не всем, вечера поэзии много дохода не приносили. Многие из бывших друзей — литераторов сторонились ее.

Для отъезда в СССР было много разных причин. Была среди них и еще одна — Марина Цветаева, русская поэтесса, не хотела, чтоб ее сын окончательно «стал французом». Для нас, знающих, что было дальше, эта причина, наверное, несущественна.. Но не для Марины!

Не надо думать, что она не понимала всего того, что ожидало ее семью в России, находящейся под сталинской пятой. Она была слишком умна, чтобы не понимать этого. Но надо знать Марину Цветаеву. Однажды она написала Сергею Эфрону, что пойдет за ним «всюду, как собака, где бы он не находился». Свое обещание — клятву она сдержала.

Ценой отказа от творчества и, может быть, где — то — отказа от самой себя. А сын пошел вслед за матерью, ибо был неотделим от Семьи, от ее Духа и ее правил.

В [1939 году](#) Цветаева вернулась в СССР вслед за мужем и дочерью.

С фонарём обшарьте

Весь подлунный свет.

Той страны на карте —

Нет, в пространстве — нет.

Выпита как с блюда:

Донышко блестит!

Можно ли вернуться

В дом, который срыт?

Их вскоре арестовали, — отца и дочь, одного за другим, на его глазах в Подмоскowie, на даче. Аля, шла, улыбаясь через силу, в крытую машину — воронок. В глазах блестяли непролитые слезы.

Они остались с матерью вдвоем. Постоянной прописки у них не было, они то снимали дачу, то жили в Доме творчества от Литфонда. Скитались по квартирам. Марина носила передачи в тюрьму — Але и Сергею, и если их принимали, она знала, что дочь и муж живы.

В этот период Цветаева практически не писала [СТИХОВ](#).

Пора снимать янтарь,

Пора менять словарь,

Пора гасить фонарь

Наддверный...

Эти строки Марина Цветаева написала в феврале 1941г.

«Я стол накрыл на шестерых...»

Всё повторяю первый стих

И всё переправляю слово:

- «Я стол накрыл на шестерых»...

Ты одного забыл – седьмого.

Невесело вам вшестером.

На лицах – дождевые струи...

Как мог ты за таким столом

Седьмого позабыть – седьмую...

31 августа 1941 года Её не стало.

Она повесилась на верёвке, которой Борис Пастернак запаковывал её чемоданы, помогая собираться в дорогу. Он произнёс: «Верёвка прочная, хоть вешайся»...

Рябину

Рубили

Зорькою.

Рябина –

Судьбина

Горькая.

Рябина –

Седыми

Спусками...

Рябина!

Судьбина

Русская.

Второго сентября тело похоронили в правой стороне на Петропавловском кладбище в г. [Елабуге](#). Точное расположение её могилы неизвестно. На южной стороне кладбища, у каменной стены, где находится её затерявшееся последнее пристанище, в 1960 году сестра поэтессы, [Анастасия Цветаева](#), «между четырёх безвестных могил 1941 года» установила крест с надписью «В этой стороне кладбища похоронена Марина Ивановна Цветаева»^[10]

«Я бы хотела лежать на тарусском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в наших местах земляника. Но если это несбыточно, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов поставили камень: „Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева“».

ПРОХОЖИЙ

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной,
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь — могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, —
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь,
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...

— И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

3 мая 1913, Коктебель

Марина Цветаева. Стихотворения.

Поэмы. Библиотека Русской Поэзии.

Санкт-Петербург, "Респекс", 1996.

В 1970 году на этом месте было сооружено гранитное надгробие. Позднее, будучи уже в возрасте за 90, [Анастасия Цветаева](#) стала утверждать, что могила находится на точном месте захоронения сестры и все сомнения являются всего лишь домыслами.

*Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух – не решить по
заказу!*

*Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел
потух!*

*Чтоб на весенней заре и на утренней сразу!
Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приве-
том.*

Прорезь зари – и ответной улыбки прорез...

*я и в предсмертной икоте останусь по-
этом!*

Хотя отпевание самоубийц в [русском православии](#) запрещено, в [1990 году](#) патриарх [Алексий II](#) дал благословение на [отпевание](#) Цветаевой. Основанием послужило прошение к патриарху группы верующих, включая сестру Анастасию Цветаеву и диакона [Андрея Кураева](#).

Отпевание состоялось в день пятидесятилетия кончины Марины Цветаевой в московском храме Вознесения Господня у [Никитских ворот](#).

Несколько слов о судьбе детей Марины Цветаевой.

«Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше

не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик».

Записка Асеевым:

«Дорогой Николай Николаевич! Умоляю вас взять Мура к себе — просто взять его в сыновья — и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только его гублю. Берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите как сына — заслуживает. А меня — простите. Не вынесла. МЦ. Не оставляйте его никогда. Была бы безумно счастлива, если бы жил у вас.. Не бросайте!»

Но уже 4 сентября Мур оказался в интернате.

Там он все время был на людях, столько детей всех возрастов, воспитательницы, учителя, все время чей-нибудь любопытствующий, изучающий взгляд... Он так выделялся среди этих мальчишек и девчонок, так не подходил к их компании, и потом — все знали необычность его судьбы, его трагедию, и он знал, что все это знали, и еще больше замыкался.

Мур слонялся неприкаянный, одинокий, чужой всем, с утра уже в тщательно начищенных башмаках, в костюме, при галстуке, аккуратно причесанный. Он и костюмы но-

сил по — французски, с врожденным изяществом, даже залатанные.

Он очень следил за своей внешностью, а все вокруг были нестриженные, кое-как одетые, у всех были какие-то общие интересы, дружбы, драчки, склочки, свои дела, а он был слишком не их, слишком взрослым для них.

В школе на уроках он скучал и оживлялся только, когда начинал кому-нибудь из мальчишек рассказывать о Париже.

12 октября в столице начинается всеобщая паника, эвакуация, и Мур попадает всё — таки в Ташкент.

Это, пожалуй, самая тяжелая полоса в его жизни — Ташкент: толпы беженцев, палящее солнце, восточные базары с изобилием еды: Денег было не очень много, продукты получали по карточкам, по талонам, магазины были закрыты, превращены в распределители, распределители разбиты по категориям, население разбито по категориям. Ко-

му полагался совнаркомовский паек, кому литер А, кому литер Б, а кто был безлитерный — просто хлебная карточка, продовольственная карточка, по которой почти ничего не давали, разве что четыреста граммов хлопкового масла в месяц, да пятьсот граммов риса, да кусок стирального мыла. Жидкий суп — лапша, больше похожий на воду, кофе из желудей, чай из моркови, кусок тяжелой, непропеченной лепешки — вот что предлагала по спецлитерным карточкам столовая Союза Писателей, эвакуированного в Ташкент. От такого обеда уже через два часа сводило желудок голодными спазмами.

Из Москвы он выезжал в спешке, и ему не с кем было посоветоваться, что брать с собой. Он взял с собой только самые необходимые носильные вещи, ибо ехал-то он в тепло и рассчитывал пробыть недолго, всего до весны. Вещей для продажи, для обмена с ним не было. Деньги? Деньги он не умел их считать, он тратил их на книги.

Мур часто болел — его мучило рожистое воспаление ноги, недоедал, но успешно окончил в Ташкенте школу, перезимовав там еще одну зиму и встретив Новый год, 1943г.

В архиве Литинститута хранится тоненькая папка, на которой написано: «Студент 1-го курса Георгий Эфрон». В этой папке пожелтевшие разрозненные листки. Характеристика из ташкентской школы, где отмечено, что Мур «академическую успеваемость показал хорошо и проявил большую даровитость в гуманитарных науках и языках, что неоднократно отмечалось на заседаниях педсоветов. Принимал активное участие в работе литературного кружка и хорошо выполнял все возложенные на него общественные работы».

Он был призван на фронт за два месяца до окончания первого курса. Студенты Литинститута броне не подлежали.

Самое ужасное было в том, что он попал в штрафбатальон, как сын репрессированного отца. В письме он сообщал с горечью: «Здесь кругом воры, убийцы. Это все уголовники, только что выпущенные из тюрем и лагерей. Разговоры они ведут только о пайках и о том, кто сколько отсидел. Стоит беспросветный мат. Воруют всё. Спекулируют, меняют, отнимают. Ко мне относятся плохо, издеваются над тем, что я интеллигент. Основная работа тяжелая, физическая: разгрузка дров, чистка снега. У меня опять началось рожистое воспаление на ноге»...

18 июня был первый бой, в котором принимал участие Мур, бой был тяжелый, изнурительный, длился весь день. Было много убитых и раненых.

Его ранили... Смертельно. Под деревней Друйка.

После боя в книге учета полка было записано: «Красноармеец Георгий Эфрон

убыл в медсанбат по ранению 7.7.44 г.».

И это последнее, что нам известно о Муре...

Ни точное место гибели Георгия Сергеевича Эфрона, ни дата его смерти до сих пор неизвестны.

Несколько слов об Ариадне Эфрон:

В [Париже](#) окончила училище прикладного искусства, где изучала оформление книги, гравюру, литографию и высшую [Школу Лувра](#) по специальности «история [изобразительного искусства](#)». После возвращения в СССР работала в редакции советского журнала на французском языке; писала статьи, очерки, репортажи, делала иллюстрации, переводила.

27 августа [1939](#) г. была арестована органами [НКВД](#) и осуждена по статье 58-6 ([шпионаж](#)) [Особым совещанием](#) на 8 лет

[исправительно-трудовых лагерей](#); о гибели родителей в [1941](#) г. (мать покончила с собой в эвакуации в [Елабуге](#), отец расстрелян) узнала не сразу.

С [1948](#) г. по освобождении работала преподавателем графики в Художественном училище в [Рязани](#).

Была вновь арестована 22 февраля [1949](#) г. и приговорена, как ранее осужденная, к пожизненной ссылке в [Туруханский район Красноярского края](#).

Благодаря полученной во Франции «кормящей»^[5] специальности работала в [Туруханске](#) в качестве художника-оформителя местного районного дома культуры.

В [1955](#) г. была реабилитирована за отсутствием состава преступления. Вернулась в Москву.

С молодости у Ариадны Сергеевны было больное сердце, она перенесла несколько инфарктов^[7].

Скончалась А. С. Эфрон в тарусской больнице от обширного инфаркта 26 июля 1975 года.^[7] Похоронена на кладбище

г. Тарусы.

Ни дочь Ариадна, ни сын Георгий не имели детей, поэтому прямых потомков у Марины

Цветаевой нет.

.

